

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДИССОНАНС ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В. Б. Кашкин, К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 ноября 2013 г.

Аннотация: в статье анализируется опыт переводческой работы в лингвистическом журнале. В качестве материала исследования используются примеры перевода на английский язык ключевых слов и аннотаций к статьям, публикуемым в русскоязычных лингвистических журналах и сборниках. Одной из трудностей, с которыми сталкивается переводчик, является выбор переводных эквивалентов для терминов. Рассматриваются случаи, когда эквивалент в языке перевода отсутствует, а английский список ключевых слов не дает представления о тематике публикации, поскольку переводные эквиваленты не являются элементами англоязычной лингвистической терминосистемы.

Ключевые слова: перевод, метаязык, термин, переводной эквивалент, аннотация, ключевое слово.

Abstract: the paper seeks to demonstrate the problems that arise while translating Russian linguistic terminology into English. The research draws on translations of key words and abstracts of Russian papers published in linguistic journals. One of the difficulties that a translator is likely to face is the choice of translation equivalents for terms. The paper discusses two types of situations: when there is no English translation equivalent of a Russian term and when the translation does not provide readers with relevant information as it does not function as a linguistic term in English.

Key words: translation, metalanguage, term, translation equivalent, abstract, key word.

Одной из насущных задач реформируемой российской науки стала ее интеграция в мировое научное сообщество. Этот процесс проходит достаточно болезненно не только по причине невысокого уровня владения английским языком – основным языком современной международной научной коммуникации. В значительной степени оказывается не готова и сама наука, даже те ее отрасли, которые по самому своему предмету связаны с языками и межкультурной коммуникацией. И в этом нет вины ни самой науки, ни ее работников. Одним из основных препятствий оказывается несовпадение исторически сложившихся тематических интересов, систем понятий и систем терминов. Даже говоря на одном языке, исследователи разных стран могут не понять друг друга.

Не приписывая себе право оценивать достоинства тех или иных школ, тенденций, парадигм и научных мод, обратим внимание на языковую и переводческую проблематику коммуникативного разрыва между российской и мировой лингвистикой. Основным материалом будут научные статьи по языкознанию, аннотации и ключевые слова к ним, а также интерпретация отдельных терминов в научном обиходе, о которой можно судить по высказываниям на разнообразных интернет-форумах на темы науки в Интернете (назовем этот корпус обобщенно – блогосфера), т.е. из обыденного метапереводческого и метакогнитивного дискурса [1, с. 136–137].

Научная статья – один из наиболее важных жанров письменного академического дискурса. Этот жанр дает возможность исследователям продемонстрировать собственную научную состоятельность через выдвижение гипотез, изложение фактов и результатов исследований. Язык статьи становится своеобразной «технологией», которая позволяет авторам обозначать собственную научную позицию в существующей системе знания [2]. В условиях высокой состязательности научного дискурса [3] еще одной, пожалуй, не менее важной прагматической задачей является воздействие на читателя. Наконец, владение научным стилем входит в число критериев оценки статей при вынесении решения об их публикации. Очевидно, такое положение вещей требует от авторов тщательного отбора языковых средств.

С точки зрения языкового оформления статей среди наиболее очевидных особенностей выделяется активное использование терминов – единиц «метаязыка науки и приложений научных дисциплин» [4, с. 89]. На особый статус терминов в лексической системе языка указывает и тот факт, что в работах по терминоведению используется также словосочетание «специальная лексика» [5].

В «концентрированном» виде термины встречаются в заголовках, ключевых словах и аннотациях – относительно самостоятельных элементах научного текста, роль которых – дать общее (и в то же время достаточно полное) представление о содержании статьи. Помимо этого, для русскоязычной

статьи переводы заголовка, аннотации и ключевых слов на английский язык – это то, что позволяет включать исследование в международные библиографические и реферативные базы данных. Заметим, что не только наличие англоязычных аннотаций, но и их качество являются одним из критериев включения издания в наиболее авторитетные наукометрические ресурсы.

Необходимость перевода отдельных элементов текста – заголовков статей, аннотаций и ключевых слов – на английский язык заставила нас обратить особое внимание на эти обязательные структурные элементы научной статьи: во-первых, возникает вопрос, всегда ли список ключевых слов позволяет интегрировать текст в интернациональный научный дискурс. Во-вторых, перевод ключевых слов в ряде случаев оказывается нетривиальной задачей именно по причине несовпадения сфер научных интересов, традиций и концептуальных систем. Обсуждению некоторых спорных случаев, когда в результате «перевода» русских терминов на английский язык возникает «концептуальный диссонанс», посвящена третья часть статьи.

Мы рассмотрим два типа случаев (хотя, вероятно, возможны и другие): 1) когда «концептуальный диссонанс» возникает в русском языке вследствие несовпадения содержания терминов в двух языках, либо их неверной или односторонней интерпретации и 2) когда возникновение концептуального диссонанса связано с наличием термина в русском научном дискурсе и отсутствием самого понятия (и даже научного направления) в дискурсе англоязычном. Чаще всего в этих случаях фигурирует заимствованная лексика, которую можно отнести к одной из разновидностей «ложных друзей» переводчика.

Ключевые слова: есть ли у нас ключ к замку?

Ключевые слова играют особую роль в структуре научной статьи. На важность ключевых слов для понимания текста указала М. Бонди, перефразировав известную фразу Дж. Оруэлла: «Все слова равны, но некоторые равнее других» [6, с. 1]. Роль ключевых слов становится очевидной из метафоры, которая лежит в основе номинации: ключ дает возможность доступа к чему-либо, что раньше было закрыто. В случае с текстом научной статьи ключевые слова – это метаданные, которые дают доступ (пусть и в самом общем виде) к ее основным смысловым компонентам: отсылая читателя к наиболее важным темам, обсуждаемым в тексте, они формируют смысловую ось статьи. Существуют различные технологии выделения ключевых слов: например, они могут быть выделены поисковой системой автоматически на основе анализа частотности их вхождения в текст. Особенности ключевых слов в научной статье заключаются в том, что, во-первых, этот список формируется самим

автором или авторским коллективом в соответствии с тематикой статьи. Во-вторых, термины, имеющие статус ключевых слов, оказываются извлеченными из своего непосредственного контекста. В ряде случаев это второе свойство оказывается значимым для принятия решения о выборе переводческого эквивалента.

Кроме функции, которую можно назвать информативной, ключевые слова выполняют классифицирующую функцию: они являются аналитическим инструментом, с помощью которого осуществляется индексирование публикаций в реферативных и библиографических базах данных. Это означает, что, с одной стороны, ключевые слова в значительной степени определяют связи статьи с другими публикациями, включенными в различные информационные ресурсы. С другой стороны, ключевые слова – это инструмент поиска, который дает возможность пользователям найти статью в массиве данных. Поэтому от качества перевода заголовка, аннотации статьи и ключевых слов на английский язык зависит, в первую очередь, доступность статьи для пользователей международных баз данных, ведь основное условие попадания статьи в выдачу – наличие соответствующих ключевых слов и в поисковом запросе, и в поисковом образе документа.

Казалось бы, раз ключевые слова заданы списком, то их перевод может быть сведен к «пословной» замене. Однако на практике оказывается, что выбор переводного эквивалента в такой ситуации может быть довольно непростой задачей. Для переводчика термины могут представлять трудность по двум причинам: а) в языке перевода может не быть переводного эквивалента и б) переводной эквивалент в английском языке может не иметь статуса термина.

«**There and back again**», или термины-«хобби-ты». Терминология, особенно лингвистическая, в значительной степени интернациональна. В российской науке есть целые направления, обслуживаемые заимствованными либо калькированными терминами, «до сих пор» не переведенными на русский язык (да это вряд ли и требуется). Один из ярких примеров – лингвистическая прагматика, чья терминология пестрит «директивами», «ассертивами», «реквестивами» и т.п. Видимо, замена этих терминов на «исконно русские» – «повеления», «утверждения», «просьбы» и т.д. – лишило бы данное направление концептуальной основы своей новизны. Еще один пример – «межкультурная коммуникация» – и как термин, и как направление была импортирована в отечественный научный дискурс в последней четверти прошлого века. В текстах аннотаций и ключевых словах мы можем наблюдать их «обратное» движение в исходную лингвокультуру. Недопонимание же и диссонанс возможны как на пути «туда», так и на пути «обратно».

Обратим внимание на то, что и в англоязычном научном дискурсе нет полного единодушия в употреблении этого термина. Не будем принимать всерьез утверждения некоторых коллег о том, что «*inter-cultural*» – это русицизм, англичане говорят: «*cross-cultural*». Желание «быть папее Папы Римского» свойственно многим не-носителям языка, когда «естественность» коммуникации на неродном языке принимается за аксиологический ориентир. На самом деле существует обширная литература по *intercultural communication*: знаменитая хрестоматия Лэрри Самовара и соавторов [7], книги Д. Пинто [8] и других авторов, журналы *Language and Intercultural Communication*, *Journal of Intercultural Communication Research* и т.п. Наконец, одной из секций ICA (International Communication Association, Международной коммуникативной ассоциации) является секция *Intercultural Communication*; *cross-cultural* же не представлено вовсе. В то же время есть книги, посвященные и этой проблематике [9]. Наконец, есть известная работа под редакцией У. Гудикунста «*Cross-cultural and Intercultural Communication*» [10]. Как пишет редактор, противопоставляя эти два понятия, «*cross-cultural communication is the comparison of communication across cultures*», в то время как «*intercultural communication is the communication between people from different cultures*» [10, p. vii–ix]. Для Гудикунста *intercultural communication* является более широкой сферой, включающей сопоставительные («кросс-культурные») исследования.

Подобную интерпретацию находим и в обсуждениях на форумах: *Abeer, Adaptation can only be intercultural, not cross-cultural. People accommodate and adapt through interacting and coming together. Please note the «inter» on intercultural and interacting – which means between. Cross-cultural analysis is done to compare and contrast two or more societies as separate social, cultural or national groups* (Mode of access: <http://ixmaticcommunications.com/2011/02/03/cross-cultural-vs-intercultural/>). Впрочем, в качестве примера приводятся работы Г. Хофстеде (*cross-cultural*) Э. Т. Холла (*intercultural*), хотя У. Гудикунст оценивает работы Холла диаметрально противоположно, как *cross-cultural*, а у Хофстеде находим разделы, посвященные *intercultural communication* [11, с. 207–234, 238–239], тем более что в период подготовки первого издания он работал в *Institute for Research on Intercultural Communication*. Если учесть, что появляются и иные близкие термины: *multicultural*, *international* и др., – то однозначности в выборе эквивалента не прибавится. Переводчику придется учитывать разнообразные факторы, в первую очередь, узус в том журнале, в котором планируется публикация.

Отсутствие у термина переводного эквивалента в лингвистической терминосистеме англий-

ского языка. Есть целый ряд ключевых слов, часто встречающихся в работах российских авторов, но вызывающих трудности при переводе, поскольку в англоязычной лингвистике не существует не просто эквивалента, но и самого понятия или даже соответствующего научного направления. Вот несколько примеров: *картина мира* (отчасти известна и в англоязычном научном дискурсе, как интерпретация *Weltbild* или *Weltanschauung*, но крайне редко употребляется), *языковой союз*, *концепт* (при обратном переводе дает всего лишь «понятие»), *концептология*, *лингвокультурема*, *языковая / коммуникативная личность*, *прецедентность* и *прецедентные тексты* и ряд других.

Языковая личность – linguistic identity? Linguistic personality?

Российские лингвисты, в работах которых используется понятие *языковая личность*, опираются на определение, предложенное Ю. Н. Карауловым: *языковая личность – это «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств»* [12, с. 38]. Другие определения понятия *языковая личность* также делают акцент на психологической составляющей данного понятия [13]. В качестве переводных эквивалентов в отечественных лингвистических журналах и сборниках можно встретить *linguistic identity* или, несколько реже, *linguistic personality*. Посмотрим, можно ли считать первый из предложенных вариантов адекватным переводным эквивалентом.

Запрос в Google Scholar показывает, что в названиях статей это словосочетание используется как термин, которым обозначают «типичных» представителей определенного этноса, например, *Philippine linguistic identity*, *Croatian linguistic identity*. Гораздо чаще слова *linguistic* и *identity* не образуют словосочетаний, когда встречаются в заголовках публикаций, посвященных проблеме конструирования идентичности, в том числе через язык [14].

Показательным в этом отношении является обсуждение понятия *linguistic identity* на одном из Интернет-форумов:

What elements are most important in defining linguistic identity?

Matthew John H. Sociolinguist

I'm currently conducting research for my master's thesis on (simplistically speaking) the indexicality of the diminutive in shaping identity in Spanish speakers. This has led me to think about the diverse social factors that play a role in linguistic identity: age, gender, race, social class, etc. Which extralinguistic factors do you think weigh more heavily in determining linguistic identity, either at a personal or larger level?

Christian Brammer P.

External Lecturer in Phonetics and Oral Proficiency at University of Copenhagen

'A language is a dialect with an army and navy'.

□ *Nationhood is important, I think. The Danish I speak is closer to much Swedish than the Danish which is spoken by many people from Denmark. Yet we all claim to be Danes, often with reference to our "common" language.*

□ *NB! Whether the one causes the other, or vice versa, I can't say.*

P.S. Your subject is intriguing...

Marni M.

Associate, Strategic Communications at Booz Allen Hamilton

Agree, interesting topic. In addition to the factors you mention above, I think peer feedback (how others react when you speak a certain way), social setting (professional, casual, with friends, at church, etc.), and education level also affect linguistic identity. They are interconnected and, as I'm sure you've observed, our linguistic identity can change over time and depending on whom we are talking to as well as our goals for the conversation. (Mode of access: <http://www.linkedin.com/groups/What-elements-are-most-important-3805651.S.224579029>)

Термин *linguistic identity* вызывает удивление некоторых участников обсуждения. Кроме того, обращает на себя внимание акцент на социолингвистические характеристики, через которые пользователи пытаются определить границы понятия *linguistic identity*. Иными словами, в отличие от привычного для отечественной лингвистики понятия *языковая личность*, англоязычный термин *linguistic identity* в первую очередь ассоциируется с умением отождествлять себя с определенным языковым сообществом, но не с набором личностных характеристик, которые проявляются в идиолекте. Таким образом, используемое в качестве переводного эквивалента *linguistic identity* является малознакомым термином для англоязычных читателей. Более того, даже в тех случаях, когда оно опознается как терминологическое словосочетание, границы понятий, стоящих за русским термином *языковая личность* и английским *linguistic identity*, не совпадают.

Прецедентность

Одной из популярных тем в отечественной лингвистике является тема «прецедентность». В русской лингвистической терминосистеме закрепилось словосочетание «прецедентный текст», а в статьях в качестве ключевых слов и в заголовках можно встретить *явление прецедентности*, *генератор прецедентности* и т.п. В английском языке есть прилагательное *precedent*, но его значение «предшествующий» нельзя считать эквивалентным русскому термину. Терминологического статуса переводы *precedent texts / prece-*

dent phenomenon / precedence generator иметь не будут, хотя именно такие переводы чаще всего и предлагаются авторами и редакторами русскоязычных научных изданий.

Картина мира

Это еще один популярный термин в отечественной когнитивной лингвистике. Его популярность проявляется не только в частом использовании, но и в разнообразии потенциально возможных «картин мира». Анализ лингвистических публикаций [15] показывает, насколько широко это многообразие.

Казалось бы, существует английский термин *worldview* (калька с немецкого *Weltanschauung*), который можно считать переводным эквивалентом. Однако, если сравнить объем понятий, стоящих за этими терминами, можно обнаружить, что русская *картина мира* – это конкретный набор лексических единиц из определенной сферы дискурса, в то время как англоязычная традиция употребления термина *worldview* предполагает возможность его использования либо в общем значении «мировосприятие, точка зрения на окружающий мир», либо для описания атеистической, религиозной и естественнонаучной картин мира.

Очевидно, будет странным говорить, например, о *toponymic worldview*, *color worldview* или *alimentary worldview*. Тем не менее анализ ряда российских научных журналов по лингвистике выявил целую россыпь сочетаний с *worldview*, свойственных исключительно русскому варианту английского языка. Для исследователей существуют не только *языковая* и *речевая* картины мира, но также *национальная*, *концептуальная*, *диалектная*, *символическая*, *художественная*, *обыденная*, *оказиональная*, *поэтическая*, *фразеологическая / идиоматическая*, *религиозная / православная*, *фольклорная / фольклорно-языковая*, *пространственная*, *региональная*, *топонимическая*, *географическая* и даже *цветовая / лингвоцветовая / звукоцветовая*, *пищевая* и *ироническая* картины мира. Дословный перевод этих терминов дает пока не отмеченные в англоязычном научном дискурсе конструкции.

Языковой союз

Для термина «языковой союз» в качестве переводного эквивалента словарь [16] предлагает словосочетание *language-union*. Однако при переводе этого термина на английский язык нами предлагается другое решение – использовать немецкое слово *Sprachbund*, поскольку именно оно используется в качестве термина в англоязычных работах по типологии и ареальной лингвистике. Вариант *language-union*, при всей его семантической «прозрачности», не обладает статусом термина. В пользу термина *Sprachbund* свидетельствует не только то, что именно его употреблял Н. Трубецкой [17], но и тот факт, что даже «грубый» поиск по ключевым словам в Google Scholar на запрос

The Balkan Sprachbund предлагает 1540 ссылок, среди которых книга [18], статьи [19, 20] и др. Термин *Sprachbund* используется и в терминологических словосочетаниях *the Caucasian Sprachbund* [20], *Standard Average European Sprachbund* [21]. Поиск запросы *The Balkan language union / The Balkan linguistic union* показали, что эти словосочетания не используются в качестве терминов научного дискурса на английском языке: они не встречаются ни в заголовках книг и статей, ни в ключевых словах.

Итоги. 1. Опыт перевода аннотаций и названий статей по лингвистике с русского языка на английский показывает, что существует значительный терминологический разрыв между российской и зарубежной (англоязычной) лингвистикой. Этот разрыв можно считать одним из препятствий для интеграции отечественной лингвистики в международное научное пространство. За терминологическим разрывом стоит и разрыв концептуальный: тематика и проблематика работ ряда популярных российских научных направлений не будет понятна международной научной общественности без дополнительных объяснений.

2. Использование «лжеэквивалентов» в англоязычных переводах представляется непродуктивным, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, поисковые запросы, в которых содержатся английские «переводы», позволяют найти преимущественно статьи русскоязычных авторов. Эти термины не используются носителями других языков, когда они пишут по-английски. Во-вторых, в случае, когда выбранный переводной эквивалент англоязычным читателям неизвестен, они просто не станут включать его в поисковый запрос. В результате статья окажется не доступной для зарубежных читателей и основная цель перевода – обеспечение интеграции публикации в систему научного знания – не будет достигнута.

3. Наконец, последний вывод касается отношения авторов к тем элементам текста, которые должны помогать читателям и автоматизированным поисковым системам определять тематическую направленность публикации. В процессе создания метаанных к статьям, т.е. при написании аннотаций и отборе ключевых слов многие авторы не задумываются о том, насколько переводы этих элементов текста будут понятны потенциальному англоязычному читателю. Такое поведение отечественных лингвистов можно объяснить широко распространенным мифом о «наднациональном» характере научного знания [22]. Этот миф переносится и на отношение к терминосистемам. По умолчанию принято считать, что, если термин (с латинской или греческой основой) есть у нас, значит, он есть и «у них», и этот миф остается устойчивым даже в тех случаях, когда нет никакого переводного эквивалента, поскольку определенное российское

научное направление (широко распространенное на родной почве) совершенно не представлено в мировой науке, либо когда представление о нем недостаточно полно [23, с. 80–85].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашкин В. Б. Концептуализация перевода в обыденном сознании и научном представлении / В. Б. Кашкин, Е. А. Княжева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 136–141.
2. Hyland K. Academic Discourse / K. Hyland // Bloomsbury Companion to Discourse Analysis / ed. by K. Hyland and B. Paltridge. – London ; New York: Bloomsbury, 2011. – P. 171–184.
3. Tannen D. Agonism in Academic Discourse / D. Tannen // Journal of Pragmatics. – 2002. – № 34. – P. 1651–1669.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
6. Bondi M. Perspectives on Keywords and Keyness: An Introduction / M. Bondi // Keyness in Text / ed. by M. Bondi and M. Scott. – Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins. – P. 1–20.
7. Samovar L. A. Intercultural Communication: A Reader. 13th Edition / L. A. Samovar, R. E. Porter, E. R. McDaniel. – Boston, MA: Wadsworth, 2012. – 448 p.
8. Pinto D. Intercultural Communication: a three-step method for dealing with differences / D. Pinto. – Leuven: Garant, 2000. – 217 p.
9. Cross-Cultural Communication: the Essential Guide to International Business / ed. by G. Bannon, J. Mattock. – London; Sterling, VA: Kogan Page Limited, 2003. – 176 p.
10. Gudykunst W. B. Cross-cultural and Intercultural Communication / W. B. Gudykunst. – London: SAGE, 2003. – 302 p.
11. Hofstede G. Cultures and Organizations: software of the mind / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. – New York: McGraw Hill Professional, 2011. – 550 p.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
13. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
14. Mühlhäusler P. Pronouns and People: the Linguistic Construction of Social and Personal Identity / P. Mühlhäusler [ets.]. – Oxford: Blackwell, 1990. – 360 p.
15. Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): труды

и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та. – 894 с.

16. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 2001. – 623 с.

17. *Trubetzkoy N. S.* Proposition 16 / N. S. Trubetzkoy // Actes du premier congrès international des linguistes. – Leiden, 1928. – P. 17–18.

18. *Mišeska Tomić O.* Balkan Sprachbund Morpho-Syntactic Features / O. Mišeska Tomić. – Dordrecht : Springer, 2006. – 772 p.

19. *Alexander R.* On the Definition of Sprachbund Boundaries : The Place of Balkan Slavic / R. Alexander // Ziele und Wege der Balkanlinguistik. – Wiesbaden, 1983. – P. 13–26.

20. *Tuite K.* The Myth of the Caucasian Sprachbund : The Case of Ergativity / K. Tuite // *Lingua*. – 1999. – № 108 (1). – P. 1–29.

21. *Haspelmath M.* The European linguistic area : Standard Average European / M. Haspelmath // *Language Typology and Language Universals* / ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Öesterreicher, et al. – Berlin : De Gruyter, 2001. – P. 1492–1510.

22. *Widdowson H.* Explorations in Applied Linguistics / H. Widdowson. – Oxford : Oxford University Press, 1979. – 273 p.

23. *Pavlova A.* How to Catch a Unicorn? The Image of the Russian Language from Lomonosov to Wierzbicka / A. Pavlova, M. Bezrodny. – Mode of access: <http://www.utoronto.ca/tsq/>

Воронежский государственный университет

Кашкин В. Б., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: kashkin2000@mail.ru

Тел.: 8 (473) 222-73-62

Шилихина К. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: shilikhina@gmail.com

Тел.: 8 (473) 220-41-49

Voronezh State University

Kashkin V. B., Doctor of Philology, Professor, Head of the Translatology and Intercultural Communication Department

E-mail: kashkin2000@mail.ru

Тел.: 8 (473) 222-73-62

Shilikhina K. M., Candidate of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: shilikhina@gmail.com

Тел.: 8 (473) 220-41-49